

ным; короче говоря, Кардиналу желательно было бы узнавать через нее об интригах принцессы де Конде и кардинала де Лавалетта. «Отец мой, — ответила г-жа де Рамбуйе, — я не думаю, чтобы Принцесса и кардинал де Лавалетт занимались какими-либо интригами, но даже если бы они и занимались, я совершенно не годюсь для ремесла шпиона». Отец Жозеф здесь явно ошибся: на свете нет женщины более бескорыстной. Маркиза говорит, что она не знает большего наслаждения, чем посылать людям деньги так, чтобы они не знали, откуда они. В этом она даже выше тех, кто утверждает, что помогать — это радость королей, ибо она говорит, что это радость бога. Рассказывая мне об истории с отцом Жозефом, она заявила, — а на свете нет существа более прямодушного, — что никак не может примириться с тем, что священнослужителей берут себе в любовники наравне с другими. «Эта одна из причин, — добавила она, — почему я рада, что не осталась в Риме: ибо, хотя я была бы уверена, что никому не причиню зла, я вовсе не была бы уверена, что обо мне не злословят, а ежели бы обо мне стали говорить, то, очевидно, злые языки сочтали бы меня с каким-нибудь кардиналом».

Не было друга более верного. Г-н д'Андейи, который считался великим знатоком дружбы, предложил ей однажды широко ознакомить ее с этой прекрасной наукой. Беседуя с Маркизой, он стал вдаваться в прозаические поучения, она же, дабы разом покончить с этим, однажды сказала ему: «Я отнюдь не все делаю для своих друзей, но ежели бы мне стало известно, что где-то в Индии живет необычайно порядочный человек, я, даже не будучи с ним знакома, постаралась бы сделать все, что могло пойти ему на пользу». — «Как! — воскликнул г-н д'Андейи, — вы и это уже постигли! Мне больше не в чем вас наставлять».

Г-жа де Рамбуйе еще и по сей день умеет радоваться решительно всему. Одним из ее самых больших удовольствий было приводить людей в изумление. Как-то она решила порадовать г-на де Лизье, который этого никак не ожидал. Он отправился навестить ее в Рамбуйе. Там у подножия дворца тянется довольно большой луг, в середине которого, по прихоти природы, расположены полукругом большие скалы, а меж ними высятся раскидистые деревья, дающие весьма отрадную тень. Это то место, где, как говорят, с приятностью проводил время Рабле; кардинал дю Белле, которому принадлежало поместье, и господа де Рамбуйе, как его близкие родственники, нередко гостили здесь, и нынче еще некую занюханную скалу со впадиной называют «Котелком Рабле». Итак, Маркиза предложила г-ну Лизье прогулять по лугу. Когда он подошел к этим скалам достаточно близко, чтобы различить то, что виделось сквозь листву деревьев, он заметил, будто во многих местах что-то поблескивает. Он подошел еще ближе, и ему показалось, что это женщины и что они одеты нимфами. Поначалу Маркиза как будто не видела того, что видит он. И лишь подойдя к самым скалам, они обнаружили м-ль де Рамбуйе и других барышень, живших в доме и взаправду одев-